

1 р. 90 к.

I
248216

Сергей Орлов

ГОРОДОК

Сергей Орлов * ГОРОДОК

Г

Сергей Орлов

3 Г О Р О Д О К 3

С Т И Х И

Советский писатель
Москва
1953

II

ЛЕНИН В КАШИНЕ

Кончалось короткое лето,
И, на день оставив дела,
Ленин приехал с рассветом
К простым землеробам села.

Багровые гроздья рябины,
Как кисти высоких знамен.
Босые мальчишки машину
Со всех обступили сторон.

И с этой толпой босоногой,
Как сельский учитель, к реке
Учитель народов дорогой
По Кашину шел налегке.

Помятая кепка в кармане,
Пальто распахнул широко...
Ему подавали крестьяне
Тяжелые руки легко.

Летела вода с водосброса
И пела ликующе в лад,
А он, задавая вопросы,
Всему был несказанно рад.

Он каждую мелочь заметил,
Ходил, как по цеху чудес,
По маленькой, первой на свете,
Крестьянской бревенчатой ГЭС.

Потом у трибуны дощатой
Стоял, затихая, народ
В тот славный, далекий, двадцатый
Суровый и памятный год.

Он руку над митингом вскинул
Вперед и стремительно ввысь.
Запела на речке турбина,
И разом в деревне зажглись

По избам огни коммунизма.
Ильич на трибуне стоял, —
Как будто не бедные избы
Тогда пред собой увидал,

Увидел с дощатой трибуны
Все то, что мы видим кругом:
Огни всесоюзной коммуны
Над самым далеким селом.

У СЕБЯ ДОМА

Я давно, признаться, не бывал
В городке зеленом деревянном,
Там, где я десятый класс кончал
И на будущее строил планы.

Было мне все время недосуг,
Некогда домой собраться было —
То меня на север, то на юг
Дальняя дорога уносила.

Где-то город строили в лесу, —
Мне командировка открывала
Новой жизни первую красу,
Будущего самое начало.

Где-то знаменит на всю страну
Стал колхоз успехами своими.
Крыльями фанерными качнув,
Плыл «ПО-два» над далями лесными.

Каждый раз зимою я решал:
Вот домой поеду нынче летом.
Но на Волге строили канал —
Как мне было не увидеть это!

Но, в каком бы ни был я краю,
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал — пусть нечем ей гордиться.

В стороне от всех больших дорог,
От железной за сто километров,
Маленький зеленый городок,
Старый друг с черемуховым ветром,

С вымпелами в зелени рябин,
С поясом тесовых палисадов...
И казалось мне, что он один
Не растет, не строится, как надо,

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут, да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

На его дощатые мостки
Наконец ступил я нынче летом,
Повстречались мы, как земляки,
И протолковали до рассвета.

Он мне все показывал лицом,
Просто и без хвастовства, как надо —
Новый тротуар, и новый дом,
И деревья выросшего сада.

Обошел я тот знакомый сад.
Там уже без орденов и планок,
Пиджаки накинув на девчат,
Ходят парни под его баяны.

Я тогда спросил его о том,
Где теперь знакомые ребята,
С кем ходили в детстве босиком
И из юности ушли в солдаты.

Отвечал он кратко: на Цимле,
В Ленинграде, в Куйбышеве, в Горьком —
Горожане есть на всей земле,
Даже дипломат один в Нью-Йорке.

Не узнать ребят, по всей стране
Крупными ворочают делами.
И выходит так, что наравне
Славой мы с большими городами.

* * *

Гудок над пристанью вечерней,
Река, как черная заря,
И вот мне ключ каюты вверен —
Я еду, проще говоря.
Еще не взрыли воду плицы,
Томит минута тишины,
А память уж вперед стремится
Навстречу бакенам Шексны.
Сейчас за первым поворотом
Березка встанет на косе
И проплывут моста пролеты
Во всей своей стальной красе.
Шексна, ты в детстве мне казалась
Огромной самой на земле,
В тебе все небо отражалось
Со всеми звездами во мгле.
Ты поднимала пароходы
В два этажа, как города.
Я много рек за эти годы
Больших и малых повидал,
И на иные ты похожа,
Как тропка на широкий путь...
Но ты мне стала всех дороже,
А это значит что-нибудь.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, и во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город,
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой, лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна.

* * *

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят. . . Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет

Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое,
Как тонкий стук ее подков,
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

ГОЛУБЬ

Есть мальчишка в солнечном районе.
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого, как кипень, голубка.

И глядят прохожие, не дышат,
Позабыв на миг свои дела,
На зеленую, как лето, крышу
В синих волнах вешнего тепла.

Длинный шест над головою гнется,
Тонкий свист летит над городком,
Выше, выше белый голубь вьется
Над мальчишкой в небе голубом.

Виражами ходит, виражами,
Будто весь отлит из серебра,
Даже с дальних улиц горожане
Видят птицу снежного пера.

Видно, что-то им напоминает
Этот голубь, взвившийся в зенит,
А мальчишка этого не знает, —
Запрокинув голову, свистит.

В рубашонке выцветшего ситца,
Золотой, без шапки, босиком, —
И летит душа его, как птица,
Над залитым солнцем городком.

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девчатам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь — ударь с размаху шпорой
И лети на край земли в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка),
Восторгаясь ото всей души.

Мастер посетителей встречает,
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе.
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!..
Испортил!..»
Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста,
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане,
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика)
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий —
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах,
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа,
Как зеленый холмик, на столе.

С лектором из областного центра
Петр Степаныч разговор ведет.
Машинистка в ундервуд за стенкой
Деликатнее как можно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка, — волосы врзлет:
— Петр Степаныч, я прошу прощенья,
Шура Капарулина поет!

Удивленье гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,
Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой, грудной, щемящий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нем не тосковал?

В девичьей косынке над рекою, —
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой ундервуд.

Но нельзя рябине к дубу перебраться, —
Шура Капарулина поет...
А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться.

Имена певиц перебирая,
Чуть взгрустнув — немножечко устал,
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

— Кто ж такая это в самом деле? —
У предрика свет из-под бровей:
— Мастерница кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на кленах птицы,
Из окошка радиоузла

Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола? . .

И шофер-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет. . .
Тихо! Капарулина поет!

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются,
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,

Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадю,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

В ЧАЙНОЙ

В новой чайной Дома крестьянина
В дальнем Кичменском городке
Два танкиста-однопольчанина
Повстречались накоротке.

Чемоданы, пальто на вешалку.
— Ты куда? — Ну, а ты как тут?
— Эй, девчата, давай не мешкайте,
Остановка на пять минут!

Зазвучали в чайной названия
Европейских столиц седых,
Называли себя по званию
Два товарища боевых.

Поименно друзей припомнили,
Не пришедших издалека,
По края стаканы наполнили
За дела своего полка.

А в углу баянист нечаянно
Тронул медные голоса,
И тогда захлестнула чайную
Ветра жаркого полоса.

Было песнею все досказано,
То, что вспомнилось за столом,
Все досказано и доказано
Про Европу да и про Азию,
И запел баян об ином.

Где-то волны плеснули синие,
Где-то дрогнули ковыли,
Как мотив голосами сильными
Подхватили и понесли.

В песне вынесла струги быстрые
Волга-матушка широка,
Та, что нынче свела у пристани
Двух товарищей из полка.

В ГОРОДСКОМ САДУ

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в хороводе огней
Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забуть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней,
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильны, постоянны —
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За ними в метель и в огонь.
А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни —

Мы были с тобой в сорок первом
Такими, как нынче они,
Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на запад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,
Дороги тонули в пыли.
Мы песню про синий платочек
На память с собой унесли
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечках мест.

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос,

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг.

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила, как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

ПЛОВУЧАЯ КУЛЬТБАЗА

На сцене культбазы пловучей,
В кисейное платье одета,
В тоске по Ромео измучась,
Прощается с жизнью Джульетта.

Девчата из ближних колхозов —
Доярки, вязальщицы, жницы —
Сидят, и нестыдные слезы
Дрожат у девчат на ресницах.

Сурово молчат плотогоны,
Колышется занавес алый,
Печальная песнь о влюбленных
Почти полсела взволновала.

А в окнах речная прохлада,
Плывет вологодская осень,
Дыхание дальнего сада
И трав увяданье доносит. . .

Подходят буксиры и разом
Свой ход убавляют на малый,
Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не стронуть с причала,

Как будто на мостиках знают,
Что здесь умирает Джульетта,
И, тихо штурвалы вращая,
Уводят буксиры к рассвету.

А осень шуршит по откосу
Осокой, засохшею в глине,
И ветер из поля доносит
Старинную песнь о рябине. . .

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Здесь, сужаясь и приседая,
В темных зарослях ивняка,
Вниз с плотины, почти седая,
Вертикально летит река.

Опрокинутая на спину,
На лету превращаясь в гром,
Гулко падает в пасть турбины
И закручивается винтом.

Продолжают ее вращенье
Якоря динамо впотьмах,
И мы слышим ее гуденье
В металлических проводах.

На железных ногах, по звеньям
Пропыленного большака,
Здесь высокого напряженья
По стране шагает река! . .

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан.
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит видавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от копоти и сажи,
В каком году он начинал свой век,
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскою не грезя,

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте. . .
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

НОЧЬ

На карты не все нанесенный,
Вовсе не знаменитый,
Спит городок районный,
Небом ночным прикрытый.

Сады в его изголовье
Ветрами взбиты прилежно.
Запорошила кровли
Черемуха цветом снежным.

Полночь с зарницей низко
Нагнется, осветит в полете
Улицы, площадь, пристань,
Речку в плену у ветел.

На тех же широтах где-то
Есть города бессонные,
С заката и до рассвета
Улицы озаренные.

А здесь все огни погашены,
Спят служащие и рабочие,
Дня продолженье вчерашнего
Снится им этой ночью —

Все, о чем вслух мечтается
Дома и на собраниях,
Все, чего добиваются
Милые горожане:

Учителю — новая школа,
Школьнику — гром стадиона,
Трибуны над речкой Шолой,
Девушкам — парк зеленый,

Шоферу — асфальт без края,
А плановику-мечтателю —
Все разом, ведь он-то знает,
Что сбудется обязательно.

На карты не все нанесенный,
Вовсе не знаменитый,
Спит городок районный,
Небом ночным прикрытый.

БАКЕНЩИК

Река, разлившаяся, быстрая,
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно
От огонька на огонек
Фарватером реки проверенным;
И пусть туманный путь далек,

Пусть мели есть в реке опасные, —
Доставить нужно грузы в срок...
Горит-горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек...

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь догорают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомнят каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
До Щербакова путь далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок. . .

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,

Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут.
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.

Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней:
Возле дружка своего толпятся,
А парень думает лишь о ней, —

О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправленья, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.

Стрелки торопятся по циферблату —
До отправленья минуток пять. . .
Нет чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.

Все, что в душе у него томится,
Руки на плечи ее положив,
Сердце заставив потише биться,
Он бы сказал — и остался жив. . .

А девушка, видно, о том не знает;
Из факультетских девчат она
Самая бойкая и озорная,
Вдруг присмирела, стоит одна.

Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут —
Нет чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.

Все, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, не утаила,
Без недомолвок и колких фраз.

Но раздается гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.

Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.

Только ведь дело, друзья, не в этом,
Будут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда...

СТУДЕНТКЕ

Там заметает улицы зима,
Как по морским волнам плывут дома,
Мальчишки пробивают лыжню к школе,
Когда еще царит поутру тьма.

А здесь шумит в метели Ленинград,
Автобусы по Невскому летят,
В цветочных продают живые розы,
И дворникам лишь страшен снегопад.

А ты могла бы в городке чужом,
Когда одни метели за окном
Трубят в свои сверкающие трубы,
Не тосковать о городе большом?

Могла б ты, сняв тяжелые пимы,
Устав от всей ребячьей кутерьмы,
Под абажуром разложить тетради,
Где строчки угловатые прямы,

И по страницам угадать в тиши
Черты тебе раскрывшейся души,
А по рисунку — что грядущий мастер
Попробовал на нем карандаши?

И там — пока в предутреннюю сонь
Спать не уйдет из лампочки огонь
И ты услышишь, как палит из пушки
Мороз на всю Шексну или Шелонь.

Спит сторожиха, в школе тишина.
В окно плывет торжественно луна,
На нем цветут тропические розы,
Из льда и снега южная страна.

Поленья рассыпаются в печи,
Сверчок в углу настойчиво стучит
Малюсеньким упругим молоточком
О жаркие сухие кирпичи.

А за стеною в облаках берез
Затихнет мир. Сиянье синих звезд.
И ты сидишь, накинув шаль на плечи,
Забыла про метель и про мороз,

Решив, что день делами был богат...
И скучно вдруг без гомона ребят,
И хорошо тебе, коль скоро к школе
Они по лыжне тропку проторят...

Уходит прочь косматая метель,
Свою на Невском бросив канитель;
Тебе на Мойке в общежитье снятся
Снега вокруг на двадцать пять недель...

Ты далека, но за пургой ночной
Тебя я вижу именно такой.
Ты приезжай, таких там ждут и ценят,
Таких, как ты, там примут всей душой.

В ТЕПЛИЦЕ

На улице снежная вьюга метет,
А в двери войдешь ты с мороза,
И августом жарким навстречу пахнет
В тепличном хозяйстве колхоза.

В зеленое пламя ботвы помидор
Тебя поведет от порога
Прямой, убегающий вдаль коридор,
Как будто бы в поле дорога.

Здесь, словно подсолнухи, лампы стоят
Под небом стеклянным рядами.
Краснеет редиска, клубится салат,
Соседствуя с огурцами.

И капли воды на крупинки росы
На листьях мохнатых похожи.
Озябли слегка пузаны-огурцы —
В пупырышках нежная кожа.

Но климатом всем управляют вдвоем,
Согласно инструкциям строгим,
Здесь дед-бородач с молодым пареньком,
А не всемогущие боги.

Коль надо жару, так жару зададут,
Коль надо, — прохладой повеют.
И столбики ртути в термометрах тут
Без них шевельнуться не смеют.

Забудешь, что стекла от снега белы...
Горят огоньки желтоцвета.
И лишь не хватает гуденья пчелы
В теплице для полного лета

Да пения иволги над головой,
Когда от клубники багряной
Пахнет на тебя сенокосной порой,
Лесной земляничной поляной.

СТАНЦИЯ „ВАЛЯ“

Л. П.

Легким именем девичьим «Валя»
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудака немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С остановкой краткой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.

Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

НОВЫЙ МОСТ

Мост — как радуга из железа —
Перекинулся над рекой.
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.

Левый берег и правый берег
Повстречались накоротке,
Встреча данная в полной мере
Отразилась в Шексне-реке.

Там в ажурных железных звеньях
Спят застрявшие облака,
Словно фотоизображенье,
Колыхающееся слегка.

Вот качнули, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,
Поезд тихо тронулся с места,
Поезд стукнул в мост колесом.

И прошло его отраженье,
Все в знаменах и все в венках,
Все зеленое, все в движенье,
В синем небе на трех быках.

ПЕСНЯ

Л. П.

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка. . .
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий,
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),

О девчонке вдруг загрустили
И запели два мужика.

И не то, чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то, чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы, —
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой за Шексной, одна.

* * *

Вышел вечер, облака раскинув.
День окончил все свои дела.
Выйди на прогулку, Валентина,
Вдоль по главной улице села.

Мимо палисадников и окон,
Тонкая, в батисте голубом,
Повстречайся будто ненароком
С нами, Валентина, за селом.

Я уйду, я вам мешать не стану, —
Третий — лишний, что ни говори.
Вот уже неторопливо вянут
Краски застоявшейся зари.

Вышла.
— Вечер добрый!
— Добрый вечер! —
Вся она красива без прикрас,
Острые мальчишеские плечи,
Синее сиянье ясных глаз.

Голубая блузка, плащ внаброску
Белого, что пена, полотна,

Всем ветрам открытая прическа,
Как костер, закатом зажжена.

Счастье дай такой вот — не обронит
Ни в грозу, ни в бурю, ни в беду.
Маленькие твердые ладони. . .
Что же, попрощаюсь и пойду. . .

— У меня дела. . .
— Идемте с нами.
— Нет, увольте.
— Ну, Степан, пока. . . —
Ухожу, ломая сапогами
Прутики сухого лозняка.

Огонек мерцает над плотиной
С неба опустившейся звездой.
Вот они проходят с Валентиной,
Тихие, над медленной водой.

Говорят, идут. Поцеловаться
Не спешат. На зоревом пути
Что спешить, когда им, может статься,
В жизни вместе далеко идти
Так вот, никогда не разлучаясь,
У плеча плечо! А ветер тих.
Розовая пена иван-чая
Плещется на гребнях голубых.

Вот они поднялись на плотину.
Силуэты вычертил закат. . .
Вечер, вербы, тени, Валентина,
И во ржи коростели кричат!

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Мой мальчишка крепко спит в кроватке,
Одеялом бережно укрыт.
Рыжие взъерошенные прядки
Полночи дыханье шевелит.

Ничего про Новый год не зная,
Смотрит сын младенческие сны.
На подушке — елки тень резная,
За окошком — желтый шар луны.

Чтоб никто мальчишку не тревожил,
Ходит сторож в шубе у ворот,
А в полях на снежном бездорожье
Новый год с подарками идет.

Он идет к мальчишке издалека,
Весь в снежинках, с головы до пят,
И об этом от Владивостока
До Карпат повсюду говорят.

Зайцы бьют в тугие барабаны,
Лапок не жалея, что есть сил,
На дворе колхозном из тумана
Сам петух о нем проголосил.

Встал петух, на жердочке качаясь,
Как костер из пуха и пера,
Гребешком зазубренным касаясь
Крыши оцинкованной двора.

Лишь один медведь коротконогий,
Видно, позабыв про Новый год,
В теплой темноте своей берлоги
Лапу шоколадную сосет.

Если бы проснулся вдруг мальчишка,
Со своей кровати ночью встал,
Он бы недогадливого мишку
За уши, конечно, отодрал

И сказал медведю: — Что ж ты, соня,
Сам проспал, не разбудил меня? —
Полночь. Шар луны на подоконник
Из-за тучки падает звеня.

ЧАЛЕКСА

Осоки острые ножи
И камыши, как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

Летит холодная струя
Под голубыми кручами,
Непокоренная, ничья,
Заверчена, закручена,

В сверкающие кружева,
Как девица, обряжена.
Бежит река не год, не два,
Торопится. Куда ж она?

Куда ж она, снаряжена,
Летит издалека?
Бег начала когда ж она? —
В старинные века.

Меж прочих речек выделив
За нрав, за непокой,
Ее и деды видели
Стремительной такой.

Отцы глядели вслед реке:
Бежит река не к нам,
Ей тыща лет по метрике,
Она ж юным-юна.

Летит себе — и вот она,
Не умеряя ход,
Влетела в год работы к нам,
На полный разворот.

И ей сказали: — Путь далек,
Но ты примчалась в срок.
Пора вступать в свои права,
К работе приступить —

Крутить большие жернова,
Деревне ток давать,
Леса пилить, в домах светить
В колхозной стороне,
Пора пшеницу молотить,
Работать на гумне...

В колхозе было пять бригад,
Они сказали: — Стой!
Тебе, как другу, говорят —
Бригадой будь шестой.

И вот пришла ее пора,
Река полна хлопот.
Ей председатель сам с утра
Наряды выдает.
И, выполняя точно в срок
Его наряд любой,
Двадцатилетний паренек
Командует рекой.

В МЕТЕЛЬ

Гудит метель, сугробы наметая,
По кровли селам и лесам по грудь.
Но вот луна, жар-птица золотая,
Сквозь тучи в небе проложила путь.
И сразу воздух неподвижно замер,
И в тишине открылась, чуть пыля,
Как будто негатив перед глазами,
Под черным небом белая земля.
Вдаль покати́лась по ее раздолью
Горошина живая бубенца,
Копытами снега взрывают в поле
Два вороных гривастых жеребца.
Над санками овчинные тулупы,
Кренясь, поземку полами метут,
И пар летит от мокрых конских крупов,
И свищет черной молнией кнут.
Но кони вдруг, храпя и приседа́я,
Тяжелый останавливают бег.
Тулупы спешно седоки срывают,
Бегут вперед, — навстречу человек:
На лыжах, до бровей густым, колючим
Обросший инеем, как бородой,
С мешком заплечным, с фляжкой на случай
Спешащий по равнине снеговой. . .

* * *

Метель за всеми четырьмя углами
Такая, что не выйти за порог,
Как будто полюс северный снегами
Обрушился с утра на городок.
В такую пору пить чай с вареньем,
С брусникой или ягодой другой,
В лежанке пошевеливать поленья,
Как свечка, побелевшей кочергой.
Старик хирург, накинув плед на плечи,
Сидит задумчив, — вот уж сорок лет
Он так привык сидеть один под вечер,
Когда пустеет этот кабинет.
Но издалека в трубке телефонной
Тревожный голос вдруг зарокотал,
И в тихой поликлинике районной
Хирург над телефоном резко встал.
Слетела с плеч упрямая усталость.
Коней, машину! . . . Только нет дорог,
И о себе опять нехстати старость
Напомнила привычной дрожью ног.
А там больной, он ждет надежной, скорої,
Той помощи, которой близко нет. . .
Но весть уже прошла по коридорам
И распахнула двери в кабинет.
Хирургу молодому лишь за двадцать.
Старик не очень любит молодых,
Не доверяет часто операций
И сам всегда присутствует на них.
Ворчит порой: — В мединститут приходят,
Призвания не чувствуя ни в чем.
С зубилом вам работать на заводе,
Быть слесарем, милейший, не врачом. —
И он, недоуменно сдвинув брови,

Глядит в упор из-под тяжелых век.

...— Прошу вас разрешить, Иван
Петрович,

Я лыжник, я дойду — там человек... —

Там человек! Когда курган Малахов

Дрожал от ядер, в пламени багров,

На поле боя к раненым без страха

Спешил военный доктор Пирогов.

Там человек! Геройством не считая

Свой опыт, прививал себе чуму

Российский медик Лебедев в Китае,

И наконец чума сдалась ему.

Ревели пушек тяжкие раскаты,

Локтями разгребая черный снег,

Ползли в шинелях русые девчата

Под пулями туда, где человек... .

А за окном все круче снежный ветер.

Старик накидку уронил с плеча,

Как будто к ним вошел неслышно третий

И сразу в нем хирург узнал врача.

...Ладонь сухая, легкая в упругой

Большой, чуть дрогнувшей. Она навек

Запомнится, как эта ночь и выюга.

— Идите, доктор, да, там человек!

* * *

Метель гудит в ушах стократным эхом,

Толкает, опрокидывает в снег,

Но от столба к столбу идет по вехам

На помощь к человеку человек.

Не успеваешь оглянуться, лыжню

Сминает сзади начисто пурга,

И, как река, колючей пеной брызжа,

Летит она, ревущая в ногах.

Одна забота, как с пути не сбиться,
Идти вперед и во-время успеть,
Дышать на остановках в рукавицы
Да нос и щеки яростно тереть.
Валы встают навстречу снеговые,
Грозя смахнуть, подмять его легко,
В тулупах хвойных ели вековые
Распахивают полы широко.
С трудом поймав огонь на сигарету,
На пять минут приткнулся у ствола,
Передохнул, у хвойных лап согретый,
Теперь уж недалеко до села...

А ночь летит над всем земным простором,
Конца и краю вьюги не видать...
Из городка колхозную контору
Телефонистка требует опять...
Спит городок. А в комнате на почте
Тепло от изразцов печных плывет.
В тепле, не зная, как врачу помочь ей,
Сидит она сейчас, а врач идет.
К стене прибило у крыльца березы,
Железо с крыши почты ветер рвет,
Пятнадцать километров до колхоза,
Метелица метет, а он идет.
Бледнеет в городке телефонистка,
В наушниках пугает тишина,
За эту ночь он стал ей очень близким...
Но издали слышит вдруг она:
— Мы лошадей и лыжников сейчас же
Пошлем встречать товарища врача. —
И кажется, она их видит даже:
В контору входят парни, грохоча,
В конюшне конюх в санки запрыгает

Двух рысаков гривастых, огневых.
И, обо всем на свете забывая,
Она уже сама кричит о них:
— Иван Петрович, слышите — встречаю!
Иван Петрович, милый, дорогой. . . —
И не звонок мембрану колыхает,
А бубенец залился над дугой. . .

* * *

Луна плывет над белыми домами,
Храпят в упряжке кони у ворот,
Копыта снег и повода боками,
И молча у крыльца стоит народ.
В медпункте тишина, у белой двери
В халатах фельдшер и сестра с врачом.
— Успели во-время, диагноз верен,
На стол больного и сейчас начнем. . .

.

Наутро будто вьюги не бывало.
Горит заря. По краю большака
Березы — в инее пушистом алом,
Как розовые встали облака.
Сугробы расчищая вдоль по тракту
Бревенчатым тяжелым утюгом,
Пронес, гремя на всю округу, трактор
Свой эмтеэсовский рабочий гром.
Как осенью под сечкою капусту,
На улице дорогу мнут пимы,
Скрипит снежок рассыпчато и вкусно,
И за дома цепляются дымы.
Врач вышел, провожатыми смущенный,
На улицу села. Хорош денек!
А бабушка в тулупчике дубленом
Сует ему упорно узелок.

И вот автобус с кузовом зеленым,
Билет за два рубля до городка,
В автобусе молочницы, бидоны,
С бензином смешан запах молока.
И тотчас же кричит шоферу кто-то:
— На месте доктор. Трогай, брат
Кузьма! —

Мотор зарокотал с пол-оборота.

День начался.

Районный тракт.

Зима...

III

• • •

Люблю строительства леса
И запах стружек на ветру.
Я верю, что земли краса
Вся —
Дело человеческих рук.

Ты выйди в поле, — как красив,
Весь огненный под голубым,
Полей возделанных массив
И жаворонка звон над ним,

Красив на речке водопад,
Когда его берут в тиски,
Когда в турбине загремят
Басы тяжелые реки

И ночь созвездиями сел
Заблещет в темноте густой,
И встанет, ахнув, новосел,
Той зачарован красотой.

И даже небо красотой
Иной заблещет, погляди,
Когда в нем самолетов строй,
Как журавлиный, прогудит.

Оно огромней станет вдруг,
Яснее станет высота.
Лишь в деле человеческих рук
Смысл обретает красота.

Капитан — где глаза, где цветы — перепутал,
И не мог капитан не принять незабудок.
Рулевые негромко в тиши напевали,
Берег плыл, плицы звонко по солнцу стучали.

Но явились девчата-колхозницы с пашни,
Озорные, веселые Кати и Маши,
Заявили: — А есть ли у вас тут ромашки? —
Нет ромашек! И хлынули на борт ромашки.

Мне на Волге потом рассказали матросы:
Плыл по Волге цветами усыпанный остров,
Уступали дорогу ему караваны,
И махали флажками ему капитаны.

По приволжским лугам, берегам и полянам
В травах буйных по пояс, как дети босые,
Вслед вдогонку бежали за ним неустанно
Все цветы полевые весенней России.

Скоро или не скоро, а только, бесспорно,
Показался вдали удивительный город.

Там от Волги до самого тихого Дона
Поднимается лестница в плитах бетона,
В ней ступени из сплава двух рек величавых,
По которым ходить теплоходам державы.

Словно радуга с неба на землю упала —
Захлестнуло цветастой волной все причалы,
И уж так получилось, не много, не мало,
А руками строителей трассу канала
Вся держава цветами в тот день украшала.

* * *

Как линкоры, заложенные в степи,
Поднимают шлюзы борта,
На железные ребра броню нацепив
Из бетона, к плите плита.

Многоверстной плотины желтеет вал,
Клювы кранов проносятся, воздух чертя...
Я таким марсианский пейзаж представлял,
В детстве книги фантастов прочтя.

Взлет мечты на пустынной голой земле,
Но в забоях заминка произошла
И шоферы с каждой минутой злей,
По-земному такие клянут дела.

Машинистам в забоях рук не отнять
От стальных рычагов, а в глазах одно:
Котлован, самосвал, котлован и опять
Дно канала и кузова дно.

А железо такое: плюнешь — шипит.
Тень, как камень, падает ниц.
Суховой слепит, на зубах скрипит,
Сушит пот через ткань рукавиц.

Машинистам минута — три тонны земли,
Глубина четырех кубов.
Машинисты в железо кабин вросли,
Не считают они часов.

А над степью такая стоит высота —
Не достанешь стрелой до синевы.
И за пылью сияньем дня залита
Вся земля от Цимлянкой до самой Москвы.

Степь в далеких забоях звенит, как медь,
Чтобы реку с рекой связать.
И об этом надо не только уметь,
Надо право иметь сказать.

МАЛЬЧИШКА

Романтика — это не только в книжках!
И в жизни место у ней свое. . .
Жил на Дону в Калаче мальчишка —
Самый верный рыцарь ее.

Она ему спать по ночам мешала,
Небом и недрами искушала,
По дисциплине баллы снижала,
Дома ему за нее влетало. . .

Но полюс открыт. Комсомольск построен,
Под сенью незыблемой тишины
У танка на площади спят герои
Великой Отечественной войны.

Вокруг только степи зимой и летом
Да тихий на самом деле Дон. . .
Романтика с первых страниц газеты
На стройку Московского университета
Его позвала, и собрался он.

Вычерчен точно маршрут в столицу,
Всю ночь бы мальчишка мог промечтать

О высоте, до которой птице,
Даже птице крылом не достать.

Приснились ему в облаках стропила...
Уж день занимался над Калачом,
А он поднимался по ним, и била
Струя автогена в руках ключом.

Не знал он, что на газетных страницах
О стройке с утра напечатан закон
И что мальчишки в Москве, в столице,
Чертили маршруты уже на Дон.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
— Фамилия... Имя... Отчество? —
И на свободную койку ведет:
Спать ведь сердечному хочется.

— Тут и ложись, до утра поспи, —
Шепотом льется речь ее. —
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудренее вечера.

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жители.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднять —
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покою не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрал,
Уложит, чтобы не морщилась. . .
Марья Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, стирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день делает.
И, словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души. . .
Скажешь: — Да как вы одна с заботами?
— Чего уж заботы мои, не смеси,
Вот уж они — работают.

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит дома,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седы,
Спецовки долой и ботинки...
От ведер колодезной злой воды
Гремит умывальник цинковый.

Солнцем и степью веет от спин.
Глядит она, горькой любви не тая...
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

В КЛУБЕ

Вечером на трассе Волго-Дона,
Там, где звезды и огни горят,
В клубе Береславского района
Выступают деятели МХАТ.

Зал отхлынул, как река, и замер.
И, от рампы отрывая взор,
Свой забытый выпускной экзамен
Почему-то вспомнил режиссер.

Всколыхнулись легкие кулисы,
И, вступив в высокие права,
Всей стране известные артисты
Произносят первые слова...

Первые тревожные движенья,
И по ним, дыханье затая,
Видит он, в каком сейчас волненье
Все его старинные друзья.

Люстры все еще идут на убыль,
Тают, исчезая без следа,
А за светом рампы в зале клуба
Тишина на сорок три ряда.

Пыль, мазут коричневый и копоть
Час назад с тяжелых рук отмыв,
Вот они сидят, о локоть локоть,
Все еще пока не позабыв

О бетоне, о земле, о камне,
О машинах в мареве степей, —
Девушки с льняными волосами
И глазами неба голубей,

Парни, опаленные жарою...
Вот они сидят, творцы чудес,
Зрители и главные герои
Будущих непревзойденных пьес.

Выступать артистам приходилось
В деревенской школе и в цеху,
Повидать артистам доводилось
Зрителей немало на веку,

Только нынче вспомнилось иное,
Захлестнуло жаркою волной:
Может быть, танкистам под Москвою
Так они концерт давали свой.

В бой уходит через час бригада,
Сорок башен танковых молчат,
И сегодня, точно так же рядом,
Громы несмолкаемо гремят...

А за рампой будто стало пусто,
Зал молчит по сорок третий ряд...
Высшие ценители искусства
В зале, краской пахнущем, сидят.

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В КАЛАЧЕ

Есть могила в Калаче над Доном,
Взорам и ветрам степным открыт,
С пушкой, в степь донскую наведенной,
Танк на каменном холме стоит.

Он прорвался с Волги утром ранним,
И, склонясь у полыньи на льду,
Шлемом зачерпнул воды механик
У России целой на виду.

Круглый люк над башнею откинут,
Открывая купол голубой.
Спит спокойно экипаж машины,
Побратавшись навек меж собой.

А сверху, цементом пропыленны,
Воздух разрывая на куски,
Днем и ночью с камнем и бетоном
По шоссе летят грузовики.

С подвигом солдат, погибших рядом,
Там, где шлюз тринадцатый, — с утра
Раздают десятники наряды,
Грунт идет в забоях на-гора.

О причалы пеною плеская,
Заливая навсегда пески,
Вот уж в степь идет вода донская
К водам Волги-матушки реки.

Видит танк порталных кранов стрелы,
Башни шлюзов, насыпи плотин,
Жизнь людей, не знающих предела,
Битву суховеев и машин.

Он стоит, по собственному праву,
В центре дел над Доном, молчалив,
В дальний год навеки для державы
С Волгой тихий Дон соединив.

ЗВЕЗДЫ

В центре района, у штаба работ,
Где георгины цветут горячо,
Звезды участков поставил народ,
Планки фанеры обвив кумачом.

Лампочки — в каждой по тысяче ватт —
Не для красоты, а во славу труда:
План выполняется — звезды горят,
Плохо работа — гаснет звезда.

Так уж решили без лишних затей:
Краски заката в пыли отцветут,
Встанет, с разбега замрет суховей —
В штабе итоги работ подведут.
Пусть загораются в небе тогда
Пятиконечные знаки труда.

Свет их — бессонница конструкторов,
Точность прорабов, что стройку ведут,
Сила бетонщиков, мостовщиков,
Плотников пот и трамбовщиков труд.

Вечером синим далеко видны
Звезды, что силой труда зажжены.

По горизонту над степью подряд
Мачты соседних районов горят.

Где-то, не видные в дальних горах,
Лампы шахтеры зажгли на копрах.
Светит на северном склоне небес
Звездочка Марьинской МТС.

И потому, что вся наша земля,
Всё до границ государство труда,
Трудится ночи, дни и года, —
Светят над миром звезды Кремля.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ДОЖДЬ

Он застал нас в степи, от него не уйдешь,
Он хлестал по машине в упор,
В нем от зноя хрипел, задышался мотор,
А водитель шутил: — Сталинградский дождь.—
По железу, по стеклам наискосок,
Как наждак оставляя следы,
Дождь — косой, проливной, без пылинки
воды —

Раскаленный крутой песок.
Мне казалось, что вскинешь за дверцей
ладонь —

И по коже пойдут пузыри.
Мне казалось: машина идет сквозь огонь
(А водитель сто раз эту трассу торил).
Замутилась дорога, и прутик стальной
Протирал на стекле полукруг
Неба синего, желтой равнины степной —
Открывал северянину юг. . .
Там, на севере, льют в эту пору у нас
Настоящие с неба дожди.
Их бы в эти безводные степи на час —
Можно было бы их разбудить
Шумом трав, тихим стуком смолистых ветвей
И негромкой свирелью ручья,

Но в степи бушевал без конца суховей, —
Возмутился природою я.
А водитель, как видно, не думал о том,
Не мечтал о далеких дождях, не грустил,
Просто бутовый камень, песок да бетон
Для плотин и для шлюзов водитель возил, —
Для плотин, у которых морям грохотать,
У которых садам расцветать,
От которых дорогу дождям начинать
И ветрам поворачивать вспять.

ЯБЛОНЬКА

Где-то посередине лета,
В волнах света, ветра, тепла,
В плащ-палатку листвы одета,
Плечи яблонька подняла,
В небеса взглянула задорно,
Полюбила их всей душой
И решила пробиться твердо,
Став красивою и большой,
До небес, по которым катит
Солнце жаркое колесо,
До высот, где по горло хватит
Птичьих песен и голосов.
Время над головой летело
Солнцем, ливнем, снежной пургой,
Стала яблонька, как хотела,
И красивою и большой.
Ей казалось — сама сумела,
Поднимаясь за шагом шаг.
Только было, мы знаем, дело
С этой яблонькою вот так:
Чтоб ее не сломало ветром,
Человек, не жалея сил,
В землю рядом с ней на полметра
Крепкий посох дубовый вбил.

Ей морозом ветки знобило,
Были дни ее сочтены,
Вьюга снегом ее укрыла —
Шубой теплою — до весны.
Без воды листва погибала,
Завиваясь в стручки. Но к ней
Туча ливень теплый послала,
Напоила влагой своей.
Вот и стала она зеленой
Да красивой — солнцу сестра,
Небеса задевая кроной,
Останавливая ветра.

В ОБЩЕЖИТИИ

В этом доме живут, как дома,
Люди с разных концов страны.
Он стоит в степи среди грома,
Голубой ковчег тишины,
С занавесками и коврами,
От больших дорог в стороне,
С чисто вымытыми полами,
С тихой музыкой на стене.
Нынче вечер был отдан всем
Населяющим дом в подарок.
После смены, часов так в семь,
Забрела в читалку гитара.
Растревожила, созвала,
Полыхая над грифом бантом,
Круг очистила от стола
И пошла выявлять таланты.
Развернулся баян за ней,
С русым чубом бетонщик в охотку,
Зажигая девчат и парней,
Выдает на-горá чечетку.
И пошли плясуны в круги:
Жги! жги! жги! . .
Песня требует тишины.

Где-то легкий прошелся ветер,
Шум травы, дальний плеск волны,
Нет вокруг никого на свете, —
Только песня зовет, грустит,
То звеня, то совсем замирая.
В небе парус луны блестит,
Соловьи рассудок теряют.
Издалека со дна души
Выплывают воспоминанья.
И опять хоть стихи пиши
И проси назначать свиданья.
А веселым да молодым
Песня заворожила очи,
Волшебством старинным своим
Неизведанное пророча.
И стремительно хлынул в зал,
Как в театре Большом, в столице,
Из ладоней людских обвал,
Не смолкая, к ногам певицы.

ВЕСЕННЕЕ

Снова ветры с юга подули,
Дни летят в голубой пыли.
Степь из края в край захлестнули
Травы, маки и ковыли.

А под самым солнцем, над степью,
Грозы в медные трубы гремят.
Из Египта на север цепью
Гуси-лебеди вновь летят.

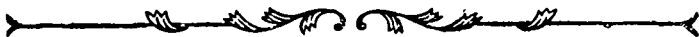
Впереди вожаки крылами
Воздух плотный упрямо мнут,
Древним зовом, сильней чем память,
Реки севера их зовут.

А станичные старожилы,
Удивляясь, в небо глядят:
Видно, птицам чутье изменило,
Вот над степью они кружат.

Там, где не было даже речек,
Отколовшись от стай, — взгляни, —

Покружившись, земле навстречу
Устремляются вдруг они.

Сверху их вожаки скликают,
Манят, машут, долго крича,
Но рedeют в дороге стаи
От Цимлы и до Калача.

III

НА ПОВЕРКЕ

Вечер над землей горит, не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

С моего положенного места
Отвечаю старшине не я.
На прогулке запоет он песню
Ту, что пели все мои друзья.

Рота грянет, жарко небосводу,
Тучи выгибаются, звеня;
Знать, с него сегодня помкомвзвода
Спрашивает службу, как с меня.

Бьют о камень новые подковы,
Оборвался свист над головой,
И походный шаг правофланговый
С ходу заменил на строевой.

С ходу не форсировал он Одер
В сполохах гудящего огня,
Но глядят с надеждою народы
На него, как прежде на меня.

На него надеются по праву
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

Пламя домен надо мной не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

Только пусть там помнят, за морями:
Как и он сейчас в полку, своим
Я считаю полковое знамя, —
Ну как вместе встанем мы под ним?

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей, самой яркой, красе,
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.
В гарнизонной столовой щи в котлах прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.
А за окнами лето, в гимнастерки одето
И с рассвета полсвета прошагало чуть свет.
Пыль клубит каблуками, бьет железом о камень,
Загорелое лето идет на обед.
А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.
Над столами в столовой бачки, словно боги,
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей на пороге,
И дежурный с повязкою перед полком.
Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью,
Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою.

А за окнами клены, в плащ-палатках зеленых,
Встали, как часовые. Птичий смолк перещелк.

Солнце над гарнизоном. Небосвод прокаленный.
Тишина на дорогах. Обедает полк.

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный, над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки, пулеметчики.
Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

ЗАСТАВА ИМЕНИ КОРОБИЦЫНА

В квадратной самодельной раме
Закат меж соснами горит,
Ручей в бурлящем беге замер,
И неподвижно снег летит.

Там, возле старого сарая,
Где до границы два шага,
Со смертью в прятки не играя,
Встречает часовой врага.

Художник-старшина, на славу
Владея кистью, как окно
В далекий день своей заставы
Открыл на стенке полотно.

Тревожный ветер веет в лица
От заснеженного холста,
И бьет с колена Коробицын,
Ни шагу не сходя с поста.

Четыре дула поднимая,
Враги подходят стороной.
Вот-вот ударит пуля злая —
И упадет на снег герой.

Но на заставе знаменитой
Стоит его кровать в ряду;
Подушка аккуратно взбита,
И полотенце на виду.

Как будто он кровать заправил
И только что ушел в наряд,
Не зная о бессмертной славе,
Пришедшей много лет назад.

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ

На энской, на дальней заставе,
Где сосны одни да туман,
Начальник заставы отставил
С коричневым чаем стакан.

Включает усталый начальник
Приемник среди тишины
На энской заставе, на дальней,
У самого края страны.

Довернута «громкость» на полный,
И стрелка ползет вдоль шкалы,
Сшибаются радиоволны,
Как бурного моря валы.

Болгарская речь донесется —
Певица в Софии поет,
Начальник легко улыбнется,
Ладонью щеку подопрет.

Припомнит дунайские ночи —
Он был в этих славных местах,
Вот жаль, по-болгарски не очень
Начальник заставы мастак.

Стремительный гул и нестройный
Ворвется в динамик вослед.
Поправит начальник спокойно
На пояс свой пистолет,

Чтоб сесть поудобней, поправит,
Да брови нахмурит слегка,
Да вспомнит о танковой славе
Ходившего к Эльбе полка.

В плащах потемневших тяжелых
С границы проходит дозор...
Срывается радиоголос,
Негромкий идет разговор:

— Порядок. Оружье почистить,
В сушилку плащи, старшина! —
Как бабочки, мокрые листья
Налипли на стекла окна.

Наверно, в Москве в это время
Такие же листья летят;
Он смотрит в ненастную темень,
Он хочет увидеть Арбат.

И вот, будто в центре столицы,
Средь черной лесной тишины
Куранты гремят на границе,
У самого края страны.

Машины, гудя, пролетают,
А дождь подступил, как стена.
И он старшину вызывает:
— Удвойте наряд, старшина.

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птица присела на куст
И упругая ветка под нею колыхается,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет,
Слышат все пограничники в строгих секретах —
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою трапы колыхнутся,
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

В ЭТОТ ДЕНЬ

Давно забыты гимнастерки нами.
Мы пашем землю, строим города.
Мы — люди в штатском,
И уже на память
Война приходит реже.

Но когда
Замрут на правом фланге ветераны,
Команда: «Смирно!» —
В тишине дано
Нам с армией припомнить заодно:
Поля,

полки,

дороги,

битвы,

страны,

Торжественность великого момента.
Там, на плацу открытом, у древка
Пройдут чеканным шагом ассистенты,
И встанет знамя в голову полка —
Тяжелое, горячее, большое,
Все в золоте червонном и шелку,
Овеянное жарким ветром боя,
Навеки прикипевшее к древку.

Потом качнутся резко клубы дыма
И — настезь люки танков, и взревет
Моторы в тишине неповторимой. . .
Пусть нас иной теперь волнует труд,
Но, услышав глухой дизельмоторный,
Издалека до нас дошедший гром,
Мы встанем здесь — механики, башнеры —
И номера полков произнесем!

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери
И друзей голоса в ответ:
— Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен... —
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
— Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас, я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров.
Площадь Революции. Метро.

Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля,
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

СОДЕРЖАНИЕ

I

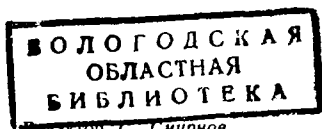
Ленин в Кашине	3
У себя дома	5
Гудок над пристанью вечерней...	8
После дождя	9
Опять плывет закат над реками...	10
Голубь	12
Фотограф	14
Шура Капарулина	17
Жеребенок	20
В чайной	22
В городском саду	24
Приснилось мне жаркое лето...	26
Пловучая культбаза	28
Гидроэлектростанция	30
Старый буксир	31
Ночь	32
Бакенщик	34
Плотогон	36
В кино	38
На вокзале	40
Студентке	42
В теплице	44
Станция «Валя»	46
Новый мост	48
Песня	49
Вышел вечер, облака раскинув...	51
Новогодняя сказка	53
Чалекса	55
В метель	57

II

Люблю строительства леса	63
Баллада о цветах	65
Как линкоры, заложенные в степи	67
Мальчишка	69
Марья Гавриловна	71
В клубе	74
Памятник танкистам в Калаче	76
Звезды	78
Сталинградский дождь	80
Яблонька	82
В общежитии	84
Весеннее	86

III

На поверке	88
Полк обедает	90
Ночью в казарме	92
Застава имени Коробицына	93
Начальник заставы	95
Тишина	97
В этот день	98
Экзамен	100
Площадь Революции	102

Редактор *С. Смирнов*

Художник *П. Бусырев*

Худож. редактор *И. Серов*

Техн. редактор *С. Брусиловская*

Корректор *А. Мискарьянц*

А 01383. Подписано к печати 4/VIII 1953 г. Авт. л. 2,66.
 Уч.-изд. л. 2,82. Формат бумаги 70×108₃—1,62 бум. л. =
 4,45 печ. л. Тираж 10 000. Цена 1 р. 90 к. (по прейс-
 куранту 1952 г.). Заказ № 595.

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

